

ОРИЕНТАЛИЗМ

Основные выводы
Заключение





Основная цель лекции: сделать выводы по основным аспектам, положениям концепции Саида, изложенным в его книге «Ориентализм».

Перевод на другие языки

«Появившееся в 1980 году французское издание открыло серию переводов, число которых увеличивается и по сей день. Многие из переводов породили дискуссии на языках, которыми я не владею. Существует замечательный, но все-таки спорный перевод на арабский, выполненный сирийским поэтом и критиком Камалем Абу Дибом (Kamal Abu Deeb). Затем «Ориентализм» появился на японском, немецком, португальском, итальянском, польском, испанском, каталонском, турецком, сербо-хорватском и шведском языках (в 1993 году книга стала бестселлером в Швеции, что озадачило местного издателя не меньше меня). Несколько изданий (на греческом, русском, норвежском и китайском) готовятся к выходу. Были одно-два сообщения о других изданиях на европейских языках, в том числе в Израиле. Были неполные пиратские издания в Иране и Пакистане. Многие переводы, о которых мне известно (в частности, японский), имеют уже по несколько редакций; все они еще в печати и, похоже, дадут повод дискуссиям, выходящим далеко за пределы того, о чем я мог помышлять, работая над этой книгой. В результате всего этого из «Ориентализма», почти в духе Борхеса, получилось сразу несколько книг».

Основные идеи Саида по Ориентализму

Определение и суть ориентализма: три определения

....

Его предметное поле и география, которая всегда воображаема:

....

Знание и власть

Ориентализм стал первой из книг своеобразной трилогии, которую Саид представил читателям в отношении понимания проблемы власти и знания применительно к колониальному дискурсу. Две другие книги – «Палестинский вопрос» (The Question of Palestine) и «Освещающая Ислам (Covering Islam), как бы продолжают эту линию на основе концепции Мишеля Фуко. Фуко, как известно, рассматривал вопрос о соотношении власти и знания в том смысле, что показывал способы, посредством которых знание трансформирует власть. Саид как бы внимательно анализирует и преломляет положение Фуко, подводя к мысли о том, что власть коррумпируется, особенно тогда, когда она соприкасается со знанием. Знание в наибольшей степени похоже на само себя, когда оно находится в своеобразной оппозиции к неравному распределению власти в мире, и наоборот, наименьшим образом походит на себя, когда оно институционализируется и начинает сотрудничать с интересами доминирующей элиты.

Ориентализм – это не презентация, но всегда репрезентация.

Согласно Саиду, ориентализм – это политическая, социологическая, идеологическая, военная и научная репрезентация. В отличие от презентации, репрезентация вытесняет предмет исследования, сам субъект и заменяет его образными конструкциями. Согласно установкам ориентализма, Восток не может говорить сам за себя, не может презентовать себя, он нуждается в том, чтобы за него говорили, в репрезентации, а значит нуждается в европейской науке. Восток репрезентируется в европейских исторических, филологических, художественных, имажинативных текстах, в политических договорах.



Теории конструктивизма, на которые опирается Саид

«В самом начале книги я заявляю, что слова «Восток» и «Запад» не соответствуют никакой устойчивой реальности в смысле естественной данности. Более того, все подобные географические обозначения являются причудливой комбинацией эмпирического и имажинативного. Сама идея Востока, которая является употребительным понятием в Британии, Франции и Америке, по большому счету исходит не только из желания описать этот регион, но также из стремления доминировать там и каким-то образом защититься от него. Это особенно заметно, как я пытался показать, когда речь идет об исламе как об особо опасном воплощении Востока. Главным во всех этих рассуждениях является то, что, как показал Вико, история делается самими же людьми. Если борьба за контроль над территорией является частью такой истории, тоже касается и борьбы за ее исторический и социальный смысл. Задача критического исследования – не в том, чтобы отделить одну борьбу от другой, но, напротив, в том, чтобы соединить их, несмотря на все различие между всепоглощающей материальностью одной и явной идеальностью другой. Я попытался сделать это, показав, что развитие и существование любой культуры требует наличия иного и конкурирующего с ней alter ego. Конструирование идентичности – поскольку идентичность Востока, Запада, Франции или Британии, будучи вместилищем определенного коллективного опыта, является, в конце концов, именно конструкцией – предполагает нахождение противоположного, «Другого», чья действительность является предметом постоянной интерпретации и переинтерпретации с точки зрения его отличия от «нас». Каждая эпоха и каждое общество воссоздают своих «Других». Собственная идентичность или идентичность «Другого» – вовсе не есть нечто статичное, но, скорее, исторический, социальный, интеллектуальный и политический процесс – это соревнование, затрагивающее людей и институты всех без исключения обществ. Нынешние споры о «настоящем французе» или «настоящем англичанине» во Франции и Англии соответственно, или об исламе в таких странах, как Египет или Пакистан, суть составляющие одного и того же процесса интерпретации, который включает в себя идентичности различных «Других», будь то эмигранты или беженцы, вероотступники или неверующие.

«...Короче говоря, конструирование идентичности связано с диспозицией власти и безвластия в любом обществе, а потому не может быть предметом только лишь академических спекуляций. Эту в высшей степени текучую и исключительно насыщенную событиями реальность подчас бывает трудно принять потому, что большинство людей не принимает лежащее в основе такого подхода представление: человеческая идентичность не только не есть нечто естественное, но, напротив, конструируется и порой даже откровенно изобретается».

Роль конструирования идентичности исключительно высока, говорит Саид.

В этом смысле свою книгу он поэтому представляет также не столько в оправдание ислама, как он пишет, а может быть, даже и наоборот:

«Я настойчиво стремился к тому, чтобы не только не «защищать» Восток и ислам, но даже вообще не обсуждать эту тему. Тем не менее «Ориентализм» действительно был воспринят в арабском мире как пример систематической защиты ислама и арабов, несмотря на все мои явные заявления о том, что у меня не было ни намерения, ни тем более возможности, показать, какими Восток и ислам являются в действительности. На самом деле моя позиция гораздо радикальнее».

Отчасти причина неприятия и враждебности, с которыми были встречены книги вроде «Ориентализма», в том, что они подрывают наивную веру в некую бесспорную позитивность и неизменную историчность культуры, самости, национальной самобытности. Может показаться, будто «Ориентализм» защищает ислам, но только в том случае, если проигнорировать ту часть моих рассуждений, где я утверждаю (как и в последующей книге «Covering Islam»), что даже примитивное сообщество, к которому мы принадлежим от рождения, несвободно от конфликта интерпретаций, и то, что на Западе видится чрезвычайным событием, возвратом к исламу или его возрождением, в действительности является борьбой внутри мусульманских обществ за определение ислама. Ни один человек, ни один властный или общественный институт не могут полностью контролировать это определение, а следовательно, и ход борьбы за него. Эпистемологическая ошибка фундаментализма состоит в том, что он полагает, будто



«фундаментальные основы» (fundamentals) представляют собой внеисторические категории, которые не могут быть предметом критического разбора для истинных верующих, которые, как предполагается, должны принимать все это на веру.

Его эпитеты: конвергенция, превращение Востока из одного в другой, радикальный реализм, паранойя

Особое внимание Саид уделяет отражению ориентализма в литературе. В литературных репрезентациях яркой линией проходит восприятие Востока как места раскрепощения, фантазий, эротических желаний. В своей работе Эдвард В. Саид упоминает таких деятелей науки, литературы, как Антуан Исаак Сильвестр де Саси, Эрнест Ренан, Луи Массиньон, Эдвард Уильям Лэйн, Гюстав Флобер, Франсуа Рене де Шатобриан, Ричард Бёртон и т. д.

Ориентализм как культурная гегемония

Ориентализм не только репрезентация, но и результат действия более мощных сил – культурной гегемонии Запада, суть которой воплощается в идее европейского превосходства над другими неевропейскими народами. Подобное культурное доминирование придает силу и прочность ориентализму, а превосходство закладывает основу для формирования определенного отношения к Востоку.

Ориентализм как имперская традиция

Взаимодействие Запада с Востоком из условий академического исследования в библиотеках, университетах, археологических экспедициях в последние столетия перетекло во взаимоотношения империи и её колонии. Ориентализм – симулякр Востока, созданный на Западе, для нужд Запада, для поддержания его империалистических интересов и сохранения гегемонии.

Его характер: скрытый и явный

Автор разделяет скрытый и явный ориентализм. Последний присутствует в политике и идеологии, а скрытый – это неосознанное восприятие Востока, неосознанная приверженность определенным взглядам на Восток.

Его продолжение в современном мире

Саид акцентирует внимание на изучении ориентализма и ориенталистских текстов Великобритании, Франции и США, объясняя свой выбор тем, что наиболее активную имперскую политику на Ближнем Востоке проводили Великобритания и Франция, а после Второй Мировой войны – США.

Ориентализм словами Саида:

«...Не так-то просто смириться с утверждением, что человеческая реальность постоянно создается и пересоздается, что нечто такое, что можно было бы назвать стабильной



сущностью, постоянно находится под угрозой. Традиционной реакцией на этот страх являются патриотизм, крайние проявления ксенофобного национализма и неприкрытый отвратительный шовинизм. Всем нам нужна какая-то почва под ногами. Вопрос в том, насколько предельным и неизменяемым является наше определение этой почвы. Мое мнение таково: по отношению к сущностному исламу или Востоку данные образы — это всего лишь образы; они поддерживаются в качестве таковых и сообществом правоверных мусульман, и (взаимосвязь здесь существенна) сообществом ориенталистов. Мои претензии к тому, что я назвал ориентализмом, состоят не в том, что последний является всего лишь антикварным изучением восточных языков, обществ и народов; они состоят в том, что как система мысли он подходит к гетерогенной, динамичной и комплексной человеческой реальности с не критических эссенциалистских позиций. Это в свою очередь предполагает как признание устойчивой реальности Востока, так и признание не менее устойчивой реальности Запада, взирающего на Восток издалека и как бы сверху. Данная ложная позиция маскирует исторические перемены. И, что еще более важно с моей точки зрения, она скрывает интересы ориенталистов. Эти интересы, несмотря на попытки провести тонкое различие между ориентализмом как невинными попытками исследования и ориентализмом как пособником империи, никогда нельзя в одностороннем порядке вывести из общего имперского контекста, который вступает в свою современную глобальную фазу с завоевания Наполеоном Египта в 1798 году. Я имею в виду разительный контраст между сильной и слабой сторонами, очевидный с самых первых столкновений Европы в современную эпоху с тем, что она называет Востоком.

Вторая причина, по которой оказалось так трудно принять антиэссенциальность моих аргументов, носит политический и идеологический характер. Я совершенно не предполагал ни того, что через год после выхода книги в свет Иран станет ареной исключительной и далеко идущей исламской революции, ни того, что борьба между Израилем и Палестиной примет столь дикие и затяжные формы, начиная со вторжения в Ливан в 1982 году и закачивая интифадой в 1987 году. Окончание холодной войны не смягчило и уж тем более не остановило нескончаемое, по всей видимости, противоборство между Востоком, представленным арабами и исламом, и христианским Западом. Последующие, но не менее острые конфликты разразились в результате вторжения Советского Союза в Афганистан; вызов *status quo* был брошен в 1980х и 1990х годах исламскими группировками в таких разных странах, как Алжир, Иордания, Ливан, Египет, и на Оккупированных территориях. Вслед за этим прокатилась реакция в Америке и Европе, в Пакистане были созданы исламские бригады для борьбы с русскими войсками в Афганистане; разразилась война в Персидском заливе; продолжается поддержка Израилем; «ислам» стал темой тревожных, пусть и не всегда точных и информированных журналистских расследований и научных изысканий — все это порождает у тех, кто чуть ли не ежедневно вынужден объявлять, что не относит себя ни к людям Запада, ни к людям Востока, ощущение травли. Похоже, что никому не удастся вырваться из оппозиции «мы» и «они», которая выражается в ощущении крепнущей, становящейся все глубже и жестче идентичности, которой никого и никогда специально и не учили. В таком сложном контексте судьба «Ориентализма» была одновременно и счастливой, и несчастной. Для тех представителей арабского и исламского мира, которые смотрели на вторжение Запада с тревогой и опасением, эта книга стала первым серьезным ответом Западу, который на самом деле никогда не слушал Восток, как никогда не простил восточным людям то, что они происходят с Востока.

Но я никогда не думал, что увековечиваю враждебность двух соперничающих политических и культурных монолитных блоков, чье сооружение я описал и чьи ужасающие последствия стремился смягчить. Напротив, как я уже говорил раньше, оппозиция Восток—Запад является и ложной, и крайне нежелательной. Чем реже в ней видят нечто иное, нежели увлекательную историю интерпретаций и сталкивающихся интересов, тем лучше. Я рад отметить, что многие читатели в Англии и Америке, как и в англоговорящих странах Африки, Азии, Австралии и в странах Карибского бассейна, увидели в этой книге попытку обратить внимание на то, что позднее получило название мультикультурализма, а не на факты ксенофобии и агрессивного, расово ориентированного национализма.

Тем не менее «Ориентализм» чаще всего воспринимали как своего рода голос поработенных (обездоленные всего мира вдруг заговорили), нежели как мультикультуралистский и



одновременно критический анализ власти, использующей знание для расширения своего влияния. Таким образом, я в качестве автора исполнял предписанную мне роль: быть саморепрезентацией того, что прежде было подавлено и искажено в научных текстах, составляющих дискурс, исторически обращенный не к народам Востока, а все тому же Западу.

Это важный момент, он еще более усиливает ощущение постоянной борьбы неподвижных идентичностей в рамках некоей вечной оппозиции, от которой моя книга как раз и пытается уйти, но которую парадоксальным образом предполагает и от которой зависит. Похоже, ни один из числа тех ориенталистов, о ком идет в данной книге речь, никогда и не думал, что его читателем может быть человек Востока. Дискурс ориентализма, его внутренняя связность и строгость умозаключений были рассчитаны на читателя и потребителя в западных метрополиях. Это относится и к людям, которыми я искренне восхищаюсь, таким как Эдвард Лэйн или Гюстав Флобер, которые были очарованы Египтом, и к надменным колониальным администраторам, таким как лорд Кромер, и к блестящим ученым, как Эрнест Ренан, и к аристократам, как Артур Бальфур — все они относились к жителям Востока, которых изучали и которыми управляли, свысока и без особой симпатии. Должен признаться, я получал удовольствие, незванным свидетелем прислушиваясь к различным мнениям и дискуссиям внутри ориенталистского сообщества, и такое же удовольствие я получил, когда донес результаты своих исследований не только до европейцев, но и до неевропейцев.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что такое стало возможным потому, что я перешагнул через имперскую разделительную линию Восток—Запад, влился в жизнь Запада и все же сохранил органическую связь с родными местами. Повторюсь: это было именно перешагивание через барьеры, а не их возведение. Полагаю, что «Ориентализм» является примером именно такого подхода, особенно когда речь идет о гуманитарном исследовании как попытке преодоления принудительных ограничений мысли и о стремлении к недоминативному и неэссенциалистскому типу исследований».

Контрольные вопросы (опорные) для самопроверки

1. Сделайте выводы по ключевым положениям Саида: три определения ориентализма; предметное поле и воображаемая география; знание и власть.
2. Назовите и объясните основные эпитеты ориентализма в интерпретации Саида.

Задания для самостоятельного выполнения

1. Можно ли считать концепцию Саида разновидностью теорий конструктивизма.

Список рекомендуемых ресурсов по теме лекции

1. Said, Edward W. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.